

Все присутствующие в зале, независимо от того, знали ли они подробности произошедшего, смотрели на третьего принца с укоризной. Придворные служанки уже перешёптывались:

— Как третий принц мог так поступить? Только появился — и уже успел разгневать Господина Наставника. А ведь у Господина Наставника нрав самый что ни на есть кроткий! Довести его до такого состояния... Третьему принцу и впрямь не следовало бы. Только бы Господин Наставник от расстройства не захворал.

— Верно, верно! Я только что видела, как у Господина Наставника глаза покраснели от ярости. Сердце разрывается! Наш второй принц куда лучше — никогда Господина Наставника не злит.

— Вы, новенькие, не в курсе, а третий принц с детства был сущим исчадием ада. Не то что кормилицу до слёз доводил — даже наставника-учителя однажды слёг от его проказ.

— Неужели? Выходит, он такой же, как Сяо...

Несколько служанок переглянулись и разом прикусили язык. Недовольство третьим принцем в их глазах лишь возросло.

Третий принц, чувствуя себя обиженным, дотронулся до царапин на лице и болезненно скривился. Он недовольно взглянул на Гу Цияня:

— Что я такого уж совершил, чтобы гневить Господина Наставника? Всего лишь потрогал его... яички. Неужто за это стоило превращать мою физиономию в решето?

Лицо Гу Цияня потемнело.

Сяо Доуцзы закрыл лицо ладонями, внутренне закричав: «Третий принц, да ты вообще понимаешь, чьи яички потрогал? Яички своей будущей невестки! Если сегодня выйдешь отсюда целым и невредимым — я с радостью свою фамилию задом наперёд прочту! И что за день сегодня такой? Сначала четвёртый принц является с брачным предложением и жаждет потрогать лапки, а теперь третий принц угораздил потрогать яички Господина Наставника. Зря я, видать, не сверился с календарём, прежде чем выходить с вторым принцем, — у того уже целая лужайка кошачьей мяты на макушке проросла!»

Третий принц чувствовал себя обиженным, но Господин Наставник был несчастен куда больше. Кто поймёт боль, когда тебе трогают яички?!

Забившись в объятия Гу Цияня, он весь поник. Мордочка выражала такую глубокую скорбь, что, казалось, слёзы вот-вот хлынут. Голубые, как море, глаза подёрнулись влажной дымкой. Этот скорбный взгляд пронзил сердца всех присутствующих — каждый готов был от имени Господина Наставника вцепиться в третьего принца когтями.

— Мяу... — Господин Наставник обижен.

— Мяу... — Господин Наставник нестерпимо обижен.

Его жалобный, слезливый голосок растопил бы любое сердце.

Гу Циянь, нежно утешая пострадавшего Господина Наставника, обратился к Гу Цимину с грозным видом:

— Третий брат, если сегодня ты не дашь Господину Наставнику достойного объяснения, не

взыщи — я с тобой не поцеремонюсь.

— Мяу! — Не поцеремонюсь!

Пэй Мяо размахивал пушистыми лапками, оскалившись в едином порыве ненависти к третьему принцу.

Третьему принцу уже на глаза навернулись слёзы. Под тяжёлыми, осуждающими взглядами окружающих он опустил голову:

— Господин Наставник, приношу свои глубочайшие извинения. Я вовсе не намеревался трогать ваши... яички. Рука просто нечаянно...

Слово «яички» вновь взвинтило и без того не утихший гнев Пэй Мяо. Он рванулся вперёд, жажда вцепиться когтями в третьего принца. Чёрт побери, этот тип точно знает, как вывести из себя! Не проучить как следует — так он и не узнает, насколько остры когти у его кошачьего деда!

Гу Циянь не только не препятствовал выходкам Пэй Мяо, но и сам придвинулся поближе к Гу Цимину, дабы Господину Наставнику было сподручнее наносить удары.

После нескольких таких атак одежда третьего принца окончательно пришла в негодность.

Смотритель хроник, притаившийся за колонной, в ажиотаже облизнул кончик кисти и принялся строчить: «В такой-то год, в такой-то месяц. Третий принц, проявив непочтение к Господину Наставнику, подвергся единоличному воспитанию с его стороны. Господин Наставник, одарённый необычайным талантом, наносил удары с быстротою молнии и неудержимым напором, всецело подавив с детства упражнявшегося в боевых искусствах третьего принца. Полная и безоговорочная победа! Честь и хвала!»

Император Цинлун появился лишь после того, как Пэй Мяо излил свой гнев. Он выступил миротворцем:

— Господин Наставник, умоляю, успокойте свой гнев. Цимин, бесспорно, виновен. Но, принимая во внимание, что у него не было злого умысла, прошу вас проявить снисхождение. Впрочем, наказание необходимо — иначе урок не пойдёт впрок. Пусть же мера наказания останется на ваше усмотрение. Как вы полагаете?

Пэй Мяо фыркнул. Он взглянул на исцарапанное лицо третьего принца, затем на императора, пытающегося уговорить его, — и гнев в груди поутих.

С важным видом он ткнул лапой в сторону третьего принца и изрёк:

— Мяу!

Гу Циянь тут же истолковал:

— Господин Наставник изрекает: «Из почтения к Вашему Величеству я не стану чинить дальнейшие препятствия третьему принцу. Однако поведение его сегодня было в высшей степени недостойным, а посему необходимо применить малое взыскание в назидание».

Пэй Мяо на миг остолбенел, но затем одобрительно похлопал Гу Цияня лапкой. Не зря император избрал его наследником — способность из одного «мяу» развернуть целую речь, да

ещё и столь витиеватую, поистине достойна восхищения.

Очень силён!

Пэй Мяо продолжил представление, размахивая в воздухе обеими лапками и громко мяукая, после чего уставился на третьего принца взглядом, полным снисходительного презрения. Его актёрская игра и внешность были безупречны — хоть сейчас на «Оскар» номинируй.

Гу Циянь, слушая, кивал, а по окончании слегка сжал губы, и выражение его лица стало суровым. Все зрители замерли в напряжении. Третий принц сглотнул и заикающе спросил:

— Го... Господин Наставник, что... что он сказал?

Хотя все присутствующие отлично понимали, что Гу Циянь попросту сочинял, но раз Господин Наставник не возражал — значит, слова его обретали силу и авторитет.

Единственной, кто сохранял полное спокойствие, была драгоценная супруга Сяо. Она неспешно прихлёбывала чай, её персиковые глаза, слегка прищуренные, были устремлены на Гу Цияня. Она о чём-то подумала, и на губах её распустилась лёгкая улыбка. Наклонившись к императрице, она прошептала ей на ухо тёплым дыханием:

— Наш Янь и впрямь перенял твою манеру запугивать. Помнишь, как ты когда-то одурачила сына министра чинов? Даже я тогда поверила. Твой образ в тот день я никогда не забуду.

Тон её голоса — то ли нежный, то ли укорный — заставил императрицу вздрогнуть. Та невольно отодвинулась, увеличив дистанцию между ними, и, опустив взор, пробормотала:

— Я уже забыла.

Драгоценная супруга Сяо застыла, сохраняя позу, а спустя мгновение горько усмехнулась, медленно выпрямилась и вновь принялась пить чай.

Императрица, сбита с толку её поведением, не могла понять её намерений. За последние десять с лишним лет драгоценная супруга Сяо, казалось, только и делала, что противоречила ей, но в то же время частенько заговаривала о прошлом — правда, полунасмешливым, полузвительным тоном, от которого императрице становилось не по себе.

Она не решалась вникать в причины этого. С тех пор как драгоценная супруга Сяо последовала за ней во дворец и зачала от императора, их дружбе пришёл конец. Императрица не была столь ревнивой, чтобы не допускать других женщин подле императора. Она просто не могла смириться с тем, что её бывшая задушевная подруга делит с ней одного мужа.

Предательство близкого человека ранит куда глубже, чем козни недруга.

Императрица погрузилась в пучину мыслей и даже не расслышала слов Гу Цияня. Когда же она очнулась, все уже вернулись на свои места. Третий принц, судя по всему, получил изрядную взбучку и сидел, понуро опустив голову. Её же собственный сын, напротив, выглядел свежим и бодрым, держа на руках Господина Наставника и что-то нежно ему нашептывая. Если отбросить детали, картина выходила весьма идиллическая.

Однако на деле нежные речи Гу Цияня были вовсе не утешениями:

— Мяомяо, хочешь рыбки или крольчатины? Этот кролик только что с жаровни, послен

совсем чуть-чуть.

Пэй Мяо взглянул на зажаренного кролика, распластанного и с остекленевшими глазами, — и аппетит мгновенно пропал.

— А может, попробуем говядины? Говорят, её доставили с Кэцинских пастбищ, выбрали самую нежную вырезку. Отведаете? — Гу Циянь положил кусок говядины на маленькое блюдечко перед Пэй Мяо. Мясо было тушёным, настолько мягким, что при малейшем нажатии палочками распадалось на волокна. Аромат соуса и мяса, смешанный с паром, расплылся в воздухе, а сам кусок, пропитанный маслянистым соусом, лоснился аппетитной краснотой.

Пэй Мяо лизнулся. Желая сделать приятное, он открыл рот, обнажив ряд мелких, острых зубов.

Гу Циянь улыбнулся, поднёс кусок к губам, подул на него и, когда мясо остыло, скормил Пэй Мяо. Говядина и впрямь оказалась нежной, как и ожидалось: при первом же укусе во рту разлился сок, наполняя его богатым вкусом.

Вот это — настоящая еда!

Господин Наставник остался доволен.

Справившись с куском говядины, Пэй Мяо устремил кошачий взор на стол в поисках новой цели. Яств было множество, но большинство ему не подходило. Обозрев всё, он остановил выбор на нескольких блюдах из морепродуктов.

<http://bllate.org/book/16288/1467831>